

Разговаривая с иностранными дипломатами, я был всегда настороже по следующей причине: их обыкновенно сопровождал специально состоявший при управлении Государственных театров молодой человек по фамилии Штейнгель (бывший барон), прекрасно говоривший по-французски и по-немецки и обладавший хорошими светскими манерами, а неофициально бывший агентом ГПУ. Миссия этого бывшего барона заключалась в том, чтобы следить за всеми разговорами послов с теми из представителей театров, с которыми они встречались, и, если нужно, доносить по начальству о характере разговоров. Предупрежденный о том, кем является Штейнгель, я всегда осторожно взвешивал каждое сказанное мною дипломатам слово и развлекался тем, что называл Штейнгеля «барон», против чего он не только не протестовал, но даже улыбался какой-то подленькой улыбкой».

Сопоставим это с сообщением М. Чудаковой о том, что «19 декабря (1933 г.—Л. П.) сын Елены Сергеевны Женя Шиловский передает ей для Булгакова вырезку из «Вечерней Москвы» — сообщение о том, что американский посол Буллит был на «Днях Турбиных» и записал в книге отзывов: «Прекрасная пьеса, прекрасное исполнение».

Добавим к этому, что, согласно дневнику Е. С. Булгаковой, в середине 30-х годов они систематически бывают у иностранных дипломатов и принимают их у себя, бывают в посольстве и, кроме посла США, знакомы также с послами Франции и Турции. Учитывая, что Штейгер долгие годы не вылезал из дипломатических и театральных кругов, осталось бы только поразиться, если бы они не встречались. Именно это я и сделал — поразился, прочитав в ее дневнике, что, когда Булгаковы уже утром уезжали с приема в одной из посольских машин, «с нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев, кажется, Штейгер».

Занятое сочетание: «известный всей Москве» и «незнакомый нам»? Это с ее-то бесчисленными светскими связями?! Это барон-то с его изысканными манерами вперся в машину к незнакомым людям?! Да и ехать им совсем не по пути: Булгаковым от Арбата направо, а Штейгеру от Арбата налево. И как все это увязать с тем, что сцена казни барона была написана Булгаковым еще в конце 1933 года?

Интуиция подсказывает, а опыт показывает, что, когда какой-то вопрос не находит ответа, можно ожидать, что за ним кроется что-то серьезное. В нашем же случае возник целый узел из четырех плотно связанных вопросов, так что подозреваю, мы на пороге нового исследования и нового открытия. А барон...

С бароном Штейгером картина несколько прояснилась после того, как друзья привезли мне из Греции листочек бумаги, на котором был записан рассказ барона Штейгера бывшему личному помощнику министра иностранных дел СССР Боголепову в камере внутренней тюрьмы НКВД, где они вместе сидели.

Штейгер рассказал ему о своей работе в качестве секретного сотрудника НКВД, о характере выполнявшихся им заданий, в число которых, оказывается, входило не только

информирование об услышанном и увиденном, но даже фотокопирование секретных дипломатических документов. У нас осталось невыясненным место работы Штейгера и его контакты с Енукидзе (а ведь они проходили по одному уголовному делу). Поскольку и в списках работников управления гос. театрами он не значился, пришлось по энциклопедии, словарям и справочникам устанавливать род занятий лиц, осужденных вместе со Штейгером. Выяснилось, что большинство из них работало в Наркомате иностранных дел, однако барона и там не оказалось. Не значится он и в аппаратах ЦИК СССР, ВЦИК, ВСНХ. Тысячелистные справочники молчали. Нельзя же смотреть вообще все подряд...

Можно! Колонка за колонкой, страница за страницей, том за томом. Это непрофессиональное метание — дело в принципе безнадежное, но я все-таки наткнулся: «Уполномоченный Коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним сношениям Штейгер Бор. Серг.» Господи, как все, оказывается, просто! Енукидзе — член Коллегии Наркомпроса, Штейгер — его подчиненный.

Теперь все цепочки и узлы связывались: Булгаков, «Мастер и Маргарита», великий бал у Сатаны, барон Майгель, попугаи, посольство США, Штейгер, Енукидзе, Наркомпрос, Чистые пруды, Комиссия по руководству театрами, Большой и Художественный театры, Аркадий Аполлонович Сем-плеяров... и выстрелы. Жуткая мысль сверкнула вдруг у меня — роковая пуля была «выпущена» Булгаковым за четыре года до гибели барона!!!

Вот так, спустя много-много лет, спаиваются воедино как будто не имевшие никакого отношения друг к другу звери, птицы, дома, люди и пули...